

Ассасин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Гоблин-МехХаник

18+

Гоблин MeXXaniK

Ассасин. История первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42876311

SelfPub; 2020

Аннотация

Это история про героя, который вернулся в город Мечты для того, чтобы завязать с криминальным прошлым. Он и вправду начал новую жизнь. Жизнь, связанную с игровым классом, навязанным ему Системой. Теперь его жизнь напрямую зависит от выполнения заданий и прокачки. Ведь кроме него, в городе есть и другие игроки, свято соблюдающие лишь одно правило: выживает сильнейший. Уровень сложности в этой игре тоже лишь один: ультрахардкор. Никаких респавнов и вторых шансов. Три! Два! Один! "Система "Игры в жизнь" регистрирует нового персонажа". Обложки сделаны из стока Pixabay. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предыстория	4
Глава 1. Добро пожаловать домой	19
Глава 2. "Игра в Жизнь"	33
Глава 3. Свидетель	40
Глава 4. Убеждение	47
Глава 5. Гость	53
Глава 6. Сельмаш	59
Глава 7. Бес	71
Глава 8. Обучение Игре	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Гоблин MeXXaniK

Ассасин. История первая

Предыстория

"Сказки бывают добрые и злые, и какими покажутся вам наши сказки – не знаем. Мы уже начали и дальше собираемся использовать матную речь, ни хуя не побоимся описать сцены насилия, употребление наркотиков и половой акт. Ни за какую хуйню, которую учинят и о которой сообщат на страницах этой книги сказочные существа, редколлегия не отвечает, если сказочные существа вас к чему-то призывают – не ведитесь, если вам кажется, что этот материал содержит запрещенную пропаганду – завязывайте его читать. Не давайте этого детям и сами не увлекайтесь. Помните основное правило: будь осторожен со сказками, они учат хорошему и плохому, а чему именно – сразу определить трудно"

Djoppy. "Сказки Темного Леса".

– Сегодня последнее посещение. И все время, вы не произнесли ни слова. Можно поинтересоваться?

Я подбросил резиновый мячик, взмывший к потолку, а затем приземлившийся в мою раскрытую ладонь. И лениво

скосил глаза в сторону психоаналитика. Она сидела напротив меня в мягком кресле, закинув ногу на ногу. На коленях у неё лежала открытая папка с моим именем на корешке. Надо отметить, девочка была симпатичной. Длинные каштановые волосы, собранные в хвост, большие зеленые глаза, чуточку пухловатые губы, аккуратный носик с россыпью веснушек. Очки в тонкой металлической оправе, которые доктор сдвинула ближе к кончику носа.

– Что вы так на меня смотрите? – чуточку смущенно произнесла она, заметив мой пристальный взгляд. Я усмехнулся в ответ, оценив про себя, что легкий румянец на пухлых щеках ей чертовски идет..

– Жду вашего вопроса, – охотно подсказал я ей. – Можно поинтересоваться?

Я замолк, склонив голову набок и с интересом ожидая продолжения.

– Зачем вы ко мне ходите? Вы же понимаете, что я не смогу помочь вам, пока вы сами этого не захотите.

Я поерзал на кушетке, устраиваясь поудобнее. Скрестил руки на груди и вытянул ноги.

– У вас здесь хорошо. Тихо. мебель удобная. А ещё вы симпатичная, доктор. Давайте переспим?

– Я замужем, – спокойно ответила девушка.

Я удивленно поднял брови:

– И что? Кого и когда это останавливало?

– Вы знаете, кто мой муж? – как-то недобро поинтересо-

валась доктор.

– Эх, кабы вы знали, сколько раз за свою жизнь я слышал этот вопрос, – притворно вздохнул я. – Какая разница, кто он? Не с ним же я спать собираюсь, в конце концов? А с вами. Кухетка, к слову, очень удобная.

– Об этом не может быть и речи, – холодно отрезала психоаналитик.

Я притворно вздохнул:

– Эх! А так хотелось. Даже сиськи не покажете?

Последняя фраза была произнесена мною с нескрываемым любопытством.

– В личном деле отмечено, что вы ограниченный хам и грубиян, – ответила девушка. – Так что этим вам меня спровоцировать не удастся.

– Что, так прямо и написано? – не на шутку развеселился я. – Ограниченный хам? Это, мадам, полное враньё. Хам я неограниченный. А ещё редкостный, коллекционный мурак, мразь и редкая скотина. Впрочем, это очевидно. Никогда не скрывал своих положительных качеств. А еще мерзавец и негодяй, склонный к употреблению алкоголя и веществ. Не просто же так я оказался в этой клинике. Почитайте, что там ещё написано. Страсть хочу послушать краткую характеристику.

– Вы – склонный к насилию и беспочвенной агрессии, крайне вспыльчивый человек. Необщительный социопат.

Я молчал, глядя на своё отражение в зеркале. Короткие

русые волосы, длинный, сломанный в двух местах нос, бледное скуластое лицо с синяками под запавшими в череп глазами. Задумчиво почесал острый подбородок, заросший трехнедельной щетиной. Двойник в зеркале в точности повторил моё движение.

– Крайне непорядочный, опасный для общества индивид. Вы льстите мне, леди. Столько комплиментов от такой красивой девочки. Неужели, вы передумали и подкатываете ко мне?

– Для многих людей вышперечисленное – повод задуматься.

– Никогда не хотел быть похожим на остальных. Знаете, за что я угодил в эту клинику?

– Бросились с отверткой на одного из сотрудников офиса, который находился в вашем подчинении. До этого две недели вы были в глубоком запое.

– Пффф, – презрительно скривился я. – Тоже мне запой. На работу я ходил, и выпитое никак не мешало исполнять мои задачи. В своё оправдание скажу то же, что говорил на суде: этот подчинённый был редкостным долбоебом. От его глупости я и перекинулся. Вот и результат. Судья, к слову, приняла это во внимание и зачла как смягчающее обстоятельство. Поэтому я попал в реабилитационный центр, а не поехал на тюрьму.

– Но это не оправдывает того, что вы хотели убить человека, – ответила девушка.

Я равнодушно пожал плечами:

– Ну не убил же.

– Вас с трудом оттащили трое сотрудников. У парня, на которого вы напали, к слову, тяжелая моральная травма. Вы пытались его убить, а потом ещё и оскорбили в здании суда.

– Какие все нежные. Не оскорбил, а высказал при общест-венности факт, который он тщательно скрывал. Как вы там, мозгоправы, говорите: признание проблемы есть пер-вый шаг к её решению?

– То есть, вы не испытываете раскаяния?

Я вздохнул:

– Очень, очень раскаиваюсь. ночами не сплю. Места себе не нахожу от горя. До того я подавлен этим поступком.

– По вам не скажешь.

– Стараюсь скрывать свои настоящие чувства. Это я с ви-ду такой хам. А в душе обливаюсь слезами и мысленно про-шу прощения. Впрочем, внешне я вряд ли смогу это пока-зать. Образ мудака может разрушить.

– Что сделало вас таким? – с внезапным интересом спро-сила девушка.

– Вы точно хотите это знать? – усмехнулся я.

– Да.

Доктор с готовностью схватила ручку и глаза её жадно за-блестели.

Я тяжело вздохнул:

– Ну слушайте, коли уж интересно. Сам я не местный. Так

уж сложилось, что из родного города пришлось мне бежать. Очень красивое, к слову, место. Знаете, он расположен на слиянии двух рек. Одна делит город пополам, вторая – отрезает окраину города от области. Область та так и называется: Заречье. Но не о том речь. Так вот: река, что делит город пополам, словно прокладывает незримую черту между двумя мирами. Даже названия улиц сами за себя говорят. Верхняя часть сплошь названа в честь писателей, художников, композиторов и прочей интеллигенции. Нижняя часть изобилует названиями в честь вождей революции и других видных деятелей флешмоба, устроенного в тысяча девятьсот семнадцатом году. Это когда Зимний дворец захватили. Там одних только улиц да проспектов Ильича несколько. Так, я опять не о том. Люди по обе стороны реки тоже живут разные. В верхней части-те, что побогаче. В нижней же – простой народ. Там раньше было много предприятий, вокруг которых образовывались рабочие районы. Но все пошло по пизде, когда грянул кризис. И детки с тех улиц все как на подбор: простые парни со сбитыми костяшками, мягкие в общении как наждак. Уровень преступности там тоже оставляет желать лучшего. Знаете, целые микрорайоны есть, где даже днём появляться не стоит. А уж ночью там лютей пиздец творится. Туда полиция не приезжает, представляете? С утра могут. Только чтобы протоколы составить и трупы увезти. Угадайте, в какой части города я родился?

– Судя по тому, что ваш отец оплатил вам реабилитацию

– в верхней, – сухо ответила девушка.

– Неее, – с ехидной усмешкой протянул я. – Это сейчас папка богат. А тогда мы жили в нижней части. Не на окраинах, конечно, в центре. Рядом с площадью первого вождя революции. Потом в семье появились деньги и мы переехали в верхнюю часть, в элитный район. Но родился и прожил долгое время я именно в нижней. Не трущобы, конечно, но жизнь в подобных районах подталкивает человека к весьма интересным поступкам. Да таким, что порой, ложась спать не поймёшь, проснёшься ли ты поутру. Тяга к грабежам и кровавому блудняку захлёстывают тебя, с головой погружая в омут насилия и погромов.

Так случилось и со мной. Совершив первое преступление, будучи ещё подростком, я уже не мог остановиться. Эти поступки меняют тебя. Неуловимо, незаметно, делают другим. Я рос крайне беспокойным ребенком. Мачехе и отцу было плевать на моё воспитание. Они не были запойными алкоголиками, наркоманами и не вели асоциальный и привокзальный образ жизни. Вовсе нет. Просто они были заняты работой и собой, а до меня им не было ни времени, ни дела. Родная мать лежала в психиатрическом стационаре специализированного типа. Суд признал её невменяемой и заменил колонию общего режима по совокупности совершенных ей особо тяжких преступлений, на дурку. Где через три года интенсивной терапии она под действием аминазина превратилась в овоща. Отношения с мачехой не сложились с самого

начала, так что дома царил вооруженный нейтралитет. Она не обращала внимания на меня, я – на неё. Отец с утра до вечера пропадал на работе. По иронии судьбы он был президентом адвокатской палаты города. И жаждал, чтобы сын пошёл по его стопам, да только я этого не желал. С самого детства я был предоставлен сам себе, бродя по заколоченным чердакам и темным, сырým подвалам. Компании в таких местах попадались весьма подходящие, так что к семнадцати годам приводов у меня было больше, чем иные люди раз в метро спускались. Поэтому махнув рукой на мою карьеру, отец забросил свои надежды. К тому времени я на пару с моим приятелем Чумой, работал то на Лёшу Большакова, то на Паука, и абсолютно не понимал, зачем вести адвокатскую практику, когда за один вечер можно получить двухмесячную зарплату среднего юриста города. К слову, Чума – весьма своеобразный тип. Он бы вам понравился. С него можно готовую диссертацию писать о многочисленных отклонениях в психике.

– Давайте вернемся к вашему детству, – сухо поправила девушка.

– Простите, док. Так вот. Адвокат из меня вышел бы перwokлассный. К тому времени я уже научился врать дознавателям и съезжать со скользких тем. Только благодаря этому навыку, моя биография не пополнилась пробелом в пару лет колонии для несовершеннолетних.

Иногда мы выбирались на окраины города ради забавы и

пущих радостей жизни. Адреналин и злой кураж захватывают тебя, когда ты рыщешь темными арками и закоулками, петляешь по дворам в поисках жертвы.

Идеально на эту роль подходили торговцы наркотиками. У барыг всегда с собой была большая сумма наличности. В полицию по поводу грабежа они не обращались. Так что совмещающая приятное с полезным: адреналиновый кураж, который приносил неплохие деньги, мы вскорости освоили этот вид заработка. К слову, финансы там крутились немалые, да только и заканчивались они крайне быстро. До смертоубийств дело не доходило, а вот покалечить человека можно было запросто. Да не записывайте вы, док. Это все дела давно минувших дней, и сроки по этим событиям уже сгорели в костре времени. К чему это я? Ах да. Компания, в которой я в то время обитал, сложилась весьма разношёрстная. Двое ребят учились в высшей школе экономики, а ещё пара едва одиннадцать классов средней школы осилила. Связывало этот коллектив тяга к насилию, спиртному и веществу. А больше, наверное, никаких схожестей меж нами я и не припомню. Хорошие они были ребята. Чтобы описать нравы, царившие в той тусовке, я могу рассказать одно: в то время нас связывала клятва. Не причинять друг другу физического и материального вреда и помогать в осуществлении мести. А в случае если сам человек по каким-либо причинам отомстить не может – свершить её за него. Помните ту историю, когда водитель на внедорожнике въехал в остановку и троих людей

смертью убил? Ух и резонансное вышло дело. За рулём был пьяный в говно сын федерального судьи?

Девушка молча кивнула.

– Так вот, – продолжил я. Один из людей на той остановке был нашим братом. Он умер в больнице, не приходя в сознание. Ребята записали на видео ультиматум и подкинули его к зданию МВД. А говорилось там вот о чем: или парню дадут по полной, или правосудие его найдёт и покарает. Сынишке тому девять лет дали. Максимум за такое преступление. И в сизо отправили прямо из зала суда. Это спасло его, только вот ненадолго. Тем вечером, трое братьев ждали мажорика у подъезда дома. Проконтролировать, так сказать. Кабы судья дал условный срок или отпустил бы из зала суда – те люди зарезали бы его на хуй, и даже не поморщились. И пришёл бы сынишке судьи пиздец. Такая в них была решимость, представляете? Парня, к слову, на "четвертаке" порешили. Это колония строгого режима номер двадцать пять. Дюже много было в те времена там людей, которые уважали моего брата. А потом туда ещё Малой загремел, и с того момента дни мажорика были сочтены. Док, с вами все в порядке? Как-кая-то вы бледная. Давайте сделаем паузу?. Расскажите, как вы сюда попали?

Но девушка замерла в кресле и смотрела на меня широко раскрытыми глазами. В них явственно читались страх и недоверие. Нежелание верить в то, что рассказанное мной – правда. Я приложил палец к губам, словно призывая к ти-

шине:

– Недавно закончили институт, и родители пристроили вас в эту клинику уму-разуму набираться. Связи или деньги? Хотя это неважно. И вот вы слушаете здесь тех, кто решил пройти курс реабилитации. Ну, или кого к этому приговорил суд. Можете не отвечать, я угадал. У вас на лице все написано.

Лицо психоаналитика и вправду побелело и вытянулось:

– До сих пор не понимаю, как подобные асоциалы не изолированы от общества, – с трудом выдавила из себя она.

– Ой, да бросьте вы, – отмахнулся я. – Никогда в жизни я не причинял вреда людям. Ни одному. Представляете?

– А ваш сотрудник?

– Во-о-о-от! – Я наставительно поднял указательный палец. – Это ещё раз доказывает тот факт, что за человека я его не считаю.

– Очень удобная жизненная позиция, – прошептала психоаналитик. Достаточно громко. Мне удалось расслышать её слова.

– Ну какой уж есть. И это часть от целого. Процентом десять от того, что я успел натворить. О моих похождениях книгу целую написать можно. Не все истории в ней будут забавные, но в целом неплохое повествование выйдет. Так вот: к восемнадцати годам пришлось мне из городу бежать. Очень уж некрасивая там вышла история. Братец мой на себя всю вину взял. И кабы дело не рассыпалось ввиду недо-

статочности доказательств – получил бы он лет десять. Но уголовное дело до суда не дошло.

Я замолчал, глядя в потолок и скрестив руки на груди. Психолог тоже не произнесла ни слова, ожидая, пока я продолжу рассказ.

– И захотелось мне в тот момент новую жизнь начать. С чистого, так сказать, листа. Я решил, что смена города это знак. А те истории интересные, пусть в прошлом остаются. Как вам моя биография, док?

Я повернул голову, с любопытством глядя на психолога.

– Очень.. познавательно, – только и смогла выдавить из себя она. Было видно, что эти слова дались ей с величайшим трудом.

– Могу поспорить, таких историй вы еще не слышали. Спорим, док? На просто так.

– Я знаю понятие спора на "просто так", – ответила девушка. – Так что, я откажусь. К тому же, скорее всего вы все придумали.

Слова про мою богатую фантазию прозвучали очень уж неуверенно. Но я просто пожал плечами:

– Врачебная тайна не является доказательством на следствии. Так что я вполне мог бы рассказать правду. Ведь об этом вы просили меня три месяца? Впрочем, ваш выбор, доверять мне или нет. Это же наше последнее занятие, да?

– Вы же уже получили справку об окончании курса ре-

билитации.

– И теперь выйдя из этих стен, я снова стану свободным человеком? – уточнил я.

Психоаналитик кивнула. Я заерзал на кушетке и полез в карман джинсов, пытаясь вытащить телефон:

– Вот рассказывал я вам все это, душу, так сказать, изливал, вспоминая факты своей биографии, и со страшной силой мне домой захотелось. Друзей проведать да родной город посмотреть.

– А как же новая жизнь, которую вы решили начать?

Я пожал плечами:

– Не собираюсь же я к старому ремеслу возвращаться? Так, проведу недельку, утолю чувство острой ностальгии и вернусь сюда.

– Почему вы сказали, что хотите посмотреть город и увидеться с друзьями, но не произнесли ни слова про родных?

– Ну, во-первых, отец вряд ли будет рад меня видеть, – ответил я, листая Приложение по поиску попутчиков. – Ага, вот и подходящий рейс. Простите, док. Это я не вам. А во-вторых, родитель с мачехой рванули в столицу. А жаль. Хотя нет, это я вру. Ни капельки не жаль. Я же горе семьи. Отец видный адвокат, а сын – жулик и аферист. Мрак! Ужас! Кошмар! А вот и время как раз к концу подошло.

Я вскочил с кушетки, подхватывая с пола и забрасывая за спину полупустой рюкзак.

– Точно не переспим? Возможно, это будет лучший секс

в вашей жизни, доктор.

Я замер, с интересом ожидая реакции девушки. Но та лишь неопределенно повела плечами.

– Это скорее нет, чем да? – уточнил я. – Эх, придет время – и вы будете жалеть о проявленной глупости. Удачи вам, док. Карьерного роста и поскорее выбраться из этой дыры. Здесь же одни неадеквататы.

Уже у двери я остановился. Обернулся:

– Прощайте. Авось еще свидимся. Может, тогда вы одумаетесь и все-таки согласитесь.

С этими словами я постучал ладонью, по кулаку, в известном всему миру жесте. В ответ в меня полетела папка. Но я оказался проворнее, быстро юркнув за дверь. Весьма довольный собой и насвистывая мелодию FPG, вприпрыжку спустился по лестнице на первый этаж, пересек холл и, передал бумаги охраннику на вахте.

– Пора? – с улыбкой спросил сидевший за толстым стеклом мужик в синей ЧОПовской форме, нажимая на кнопку. И на турникете загорелась зеленая стрелка, которая указывала на свободу.

Я лишь кивнул, толкнув поручень, и подошел к двери.

– Удачи.

Но я уже вышел из клиники. Задрав голову вверх, словно любясь синим небом, я вдохнул полную грудь воздуха. Хотелось заорать что-нибудь о свободе, только вот за такой неразумный поступок, меня могли бы закрыть в этой дурке

еще месяца на три. Поэтому я молча спустился по широким мраморным ступенькам, и пошел прочь от этого гостеприимного места. Лишь отойдя на десяток шагов, я остановился, обернулся, взглянув на вывеску.

– "Клиника доктора Зильбенштока" – прочел я и сплюнул под ноги. – Горите вы в аду. Никогда не любил мозгоправов. Пора возвращаться домой. Засиделся я тут.

Руки словно сами вытащили из кармана джинсов телефон и набрали номер, найденный мной в приложении по поиску попутчиков.

– Алло, Инна? – вежливо спросил я, едва услышав в трубке голос собеседницы. – Вы сегодня уезжаете из города. У вас еще остались места?

– Да, – ответил мне милый женский голос. – Только там было указано, что предпочтительно девушка...

– О, не волнуйтесь, – усмехнувшись, произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно милее и безобиднее. – Я очень болтлив и крайне неконфликтный. Мухи не обижу.

Глава 1. Добро пожаловать домой

– Вот он. Город Мечты, – протянул мой товарищ. – Бывал здесь?

– Давно, – хмуро ответил я. – В прошлой жизни.

Мы стояли возле вестибюля станции метро “Горьковская”. Напротив сквера, разбитого на одной из центральных городских площадей. Прямо передо мной открывался вид на аллею, по обе стороны которой тянулись ровные ряды фонарей. Аллея упиралась в памятник Буревестнику Революции. Заложив руки за спину, он равнодушно взирал с высокого постамента на прогуливающийся по аллее народ.

Весна в этом году выдалась очень жаркой, и клумбы, разбитые на ровные квадраты, уже покрылись пестрым ковром распустившихся цветов. Площадь окружил ряд деревьев, расступавшихся у перехода от станции метро к площади. Словно стена, которая отгородила дивный, полный магии мир зеленой зоны сквера от возвышающимися вокруг ровными рядами серых двадцати пятиэтажных свечек.

За время моего отсутствия, эта часть города очень изменилась. Из знакомых мне мест я смог лишь распознать памятник Буревестнику Революции, да четырехэтажное здание Дома Связи на пересечении Большой Покровской и Буревестника Революции. А больше на площади не было ничего, что я смог бы узнать. Серые панельные многоэтажки

исчезли, уступив место блестящим на солнце высотным новостройкам с огромными панорамными окнами. Взгляд то и дело цеплялся за великое множество разноцветных вывесок банков, сетевых магазинов, ювелирных салонов и страховых компаний. Буквы неоновой рекламы крупных корпораций с безразличием взирали с крыш домов. И рассматривая все это великолепие, мелькнула мысль, что меня привезли не в тот город. Лишь обозначение метрополитена на дверях вестибюля станции метро, указывало на то, что город был тот самый.

Новоявленный приятель хлопнул меня по плечу, и от этой фамильярности я поморщился. Как говорил один мой товарищ: “ты мне еще в тюрьме надоел”. И эта поговорка уж очень подходила к этому новому знакомцу. Он успел порядком меня заебать, щедро делясь ненужной информацией. Я узнал, что зовут его Иван, родом он из каких-то Ебеней. Недавно развелся, жена забрала ребенка и уехала к родителям, а сам Ванюша ушел в бессрочный запой, затянувшийся на многие месяцы. И за время нашего путешествия, Ваня в красках успел описать каждый день этой затяжной попойки. Рот у моего собеседника не закрывался ни на секунду, так что отчасти я понимал водителя сервиса по подбору попутчиков. Едва высадив нас у станции метро “Горьковская”, девочка рванула с места, растворившись в плотном потоке машин.

– Тебе здесь понравится, – усмехнулся Иван.

– Не сомневаюсь, – ответил я, стараясь как можно быстрее пресечь порядком утомивший меня разговор. Однако, собеседник все не унимался и открыл было рот, чтобы спросить ещё что-то, но в этот момент у выхода из метро затормозила новенькая чёрная иномарка, и из неё выскочил невысокий, коротко стриженный черноволосый крепыш. Силясь кого-то найти, он зорко всматривался в поток людей. Заметив нас, он радостно усмехнулся и направился в мою сторону.

Поболтал бы с тобой еще, да за мной уже прибыли, – словно извиняясь, сказал я Ванюше.

По поводу продолжения общения я нагло врал. И в голосе моем не слышалось ничего кроме неподдельного облегчения.

Мой новоявленный друг состроил кислую мину и протянул мне руку для прощания, но был тут же немилосердно оттеснен широким плечом подошедшего:

Ты кто такой? – довольно грубо спросил крепыш. – А ну, давай. Живо проваливай отсюда на хуй. Развелось попрошачек. Прости, братец, Торопился как мог. Летел быстрее пули. И вот я здесь.

Говоривший широко развел руками, словно пытаюсь оправдаться за свое бессовестное опоздание.

– Ничего не изменилось, – в тон ему ответил я. – Чертовски рад видеть тебя, Чума.

Приятель крепко обнял меня, похлопав по спине:

– Ну, что встал? Поехали.

Я кивнул, падая на пассажирское сиденье машины:

– Ну рассказывай, что нового в городе?

– Все, брат, – ответил Чума, выезжая на шоссе.

– Прямо-таки все? – удивленно переспросил я, поворачиваясь к приятелю.

– Ты не узнаешь этот город. Сколько тебя здесь не было?

Три года?

– Четыре, – поправил я, откинувшись на спинку сиденья.

– Да, быстро летит время. Чем занимался в ссылке?

– Работал в игровой компании.

Чума аж присвистнул:

– Неплохо. И ебашил, поди, вечерами?

– Не играл, а анализировал рынок, – с напускной строгостью поправил я товарища.

– Отличное оправдание задротства, – усмехнулся Чума. –

Ты насовсем обратно? Или так, погостить?

– Посмотрим, – уклонился я от ответа. – Сам-то как?

– Как в сказке. Тачку вот прикупил, в новую квартиру въехал. Жизнь бьет ключом.

– Она всегда была такой. Порой этот ключ бил чересчур активно. Чем занимаешься?

– Да все как обычно. То тем, то этим. Всем понемногу.

Движение – жизнь. Ты же не забыл это золотое правило?

Я опустил стекло и уставился на городской пейзаж:

– Иногда это движение приводит к тому, что приходится бежать из города.

– Твоя правда, – согласился со мной товарищ. – Всякое в жизни бывает.

Я замолчал, глядя в окно. За то время, пока я отсутствовал, город и вправду очень изменился. Куда ни посмотри – везде высились серые свечки новостроек. В вечернем полумраке мерцала огнями неоновая реклама. У тротуаров ярко горели фонари, освещая дорогу многочисленным людям, которые торопились по своим делам.

– Раньше здесь все было иначе, – протянул я.

– Жизнь меняется, брат, – обернувшись ко мне, ответил Чума.

– И мы не стоим на месте, – закончил я фразу.

– В точку.

На том разговор и оборвался. Я вновь уставился в окно, а Чума врубил магнитола.

– А музыка остаётся все та же, – заметил я, по первым же аккордам узнав знакомую до боли песню:

“Мы приветствуем всех, кто способен на бунт
И завидуем тем, кто всю жизнь копил силы”.

– Нас совсем не волнуют те, кто нас не поймут, – подхватив, хрипло завыли мы с Чумой. – Панк – это дерзость и молодость мира!

Под неумирающую классику FPG Чума и привез нас к одному из множества кабаков в центре города.

– "Тортуга", – протянул я, рассматривая вывеску. – Пиво тут по-прежнему такое же вкусное?

– О да, – весело ответил Чума, паркуя машину прямо напротив заведения. – Даже не так. Пиво с тех времен стало еще вкуснее. А официантки – только симпатичнее. Ну? Что встал? Идём, и скоро ты сам все увидишь. Нас ждет ледяной алкоголь.

Вечера в "Тортуге" никогда не отличались оригинальностью. Мы не стали изменять своим привычкам и в этот раз.

Открыть глаза получилось не сразу. Я был ещё пьян, но похмелье уже постепенно накатывало на меня тяжелым колотуном. Хотелось урвать хотя бы пару часов беспокойного сна. Но это не выходило.

Виной всему был организм, отчаянно протестовавший против той дозы этанола, которую мы употребили вчера на пару с Чумой. Не сказать бы, что этот вечер исключение. Скорее, это был некий особенный стиль наших попоек. Начиная пить, мы вливали спиртное будто не в себя, словно собирались поставить личный рекорд по употреблению этанола. И, как следствие, нажирались мы обычно до абсолютно свинского состояния. Сопутствовали этому "перекидывания" и прескверные истории, в которые мы, одержимые синим духом, попадали, впадая в пьяный угар. Поэтому утренние состояния после встреч с братом – это, скорее, обыденность.

Мне было дурно. Потолок раскачивался, словно в дикой пляске, а во рту был мерзкий привкус. Глотка пересохла, и у

меня было стойкое ощущение, будто она растрескалась как земля в пустыне. Голову словно стянули обручем, а все тело покрывал липкий пот. Я попытался было пошевелиться, но вышло это у меня с превеликим трудом, сразу же поплатившись за свою дерзкую выходку резким всполохом боли. На миг мне показалось, что в голове взорвалась бомба, а мир на секунду вспыхнул фонтаном разноцветных искр.

Кто-то глубоко вздохнул и завозился, устраиваясь поудобнее. Я скосил глаза. Рядом со мной спала, подложив руку под голову, какая-то девушка. И как я не силился вспомнить, откуда она взялась в моей кровати, выходило это у меня крайне хуево. Воспоминания словно затянуло туманом, непроглядно черным и густым. Я даже не помнил как её зовут. Хотя не исключён и тот факт, что имени я не знал совсем.

Я с трудом поднялся с кровати, и пошатываясь, и шаркая ногами как зомби, заковылял на кухню. И здесь тайна гостьи была частично раскрыта.

Во-первых, на полу валялась изорванная в клочья тельняшка с черными полосками. А посередине стола лежала шляпа-треуголка. В таком прикиде обычно ходят официантки "Тортуги". А во-вторых, у стола сидела, сжав в ладонях кружку с черным, как чернила, кофе, еще одна гостья, одетая точно в такую же тельняшку. А больше из одежды на ней не было ничего. Заметив меня, девочка смущенно зарделась и кивнула мне:

– Как самочувствие? – участливо поинтересовалась она.

– Отлично, – с трудом разлепив слипшиеся пересохшие губы, прохрипел я, проходя мимо. И взмахнул руками, поскользнувшись на скользкой плитке. Лишь в последнюю секунду я успел ухватиться за дверной косяк, что позволило сохранить равновесие и остаться на ногах. Завидев мою вытянувшуюся от удивления рожу, большие глаза, и как я машу руками, девушка захихикала:

– По тебе не скажешь.

Я лишь хмуро кивнул, усевшись напротив гостьи. Бросил в чашку таблетку прессованного пуэра и залил её кипятком. Руки предательски тряслись, поэтому большая часть воды полилась на столешницу, весело прокладывая ручейки к краю стола. Как водится, затуманенный этанолом мозг не придал этому факту ровным счётом никакого внимания. И очень зря. Потому как, едва первые капли кипятка упали мне на ноги, я аж взвыл от боли, резко отшатнувшись от струек горячей воды:

–Блядь!

Сохранить равновесие после такого кульбита не удалось, так как стул, опасно накренился, и я кубарём полетел на пол, под веселое хихиканье сидевшей напротив гостьи.

– Чего смешного? – поинтересовался я, поднимаясь на ноги. В моем голосе слышалась некая злоба, которая мигом оборвала смех собеседницы.

– Ничего, прости, – ответила девочка, глядя на меня. – Просто ты забавный. Я это вчера подметила.

Я взял со стола пустой чайник, и маленькими шажками, стараясь не наебнуться на скользком кафеле, прошлепал к раковине, набирая новую порцию воды:

– И что же во мне такого забавного?

– Ну судя по твоим рассказам, ты живая легенда, – охотно ответила та. – Что зовут тебя Нико Белик и ты родом из Сербии. Впервые убил албанца в двенадцать лет, после чего бежал из страны. Воевал в легионе и был с миротворческой миссией в Ираке. И все это в неполные... Сколько тебе? Двадцать три?

– Двадцать два, – автоматически поправил я, щелкнув кнопкой чайника. – Что я ещё вытворял?

– Частичная или полная потеря памяти? – лукаво переспросила девушка. – Это третья стадия алкоголизма, дружок. Так что, на твоём месте, я бы крепко задумалась.

– Ты врач?

– О нет, – рассмеялась в ответ гостья. – Но раз уж у тебя амнезия – давай знакомится заново. Меня зовут Катя, и я не врач, я будущий юрист. А вот та, что спит в твоей кровати – она да. Подающее надежды светило медицины. Ее, кстати, Рита зовут.

– Ага. – я долил в кружку кипятка, разбавив уже настоявшийся пуэр, и отпил чай. – Очень приятно.

– А по поводу вчерашнего... ох и до чего забавный приключился вечер, – начала пересказывать мои истории Катерина.

– И в чем же он был так интересен? – хмуро поинтересовался я, отпивая чай.

– Вы вчера творили такие вещи, – закатив глаза, мечтательно произнесла девушка.

– Очень познавательная информация, – нахмурился я. – Но хотелось бы узнать подробности.

– Ты точно хочешь правду? – лукаво посмотрев на меня, уточнила Катерина.

– Иначе бы не спрашивал.

– Ну, например, вчера ты и твой друг, напали на машину ППС, пытаясь ее перевернуть.

– Пиздежь, – сразу отверг я ее слова.

Это не значило, что я и Чума не могли такое сотворить. Вовсе нет. “Перекинувшийся” от выпитого человек страху не ведает, и поэтому в лучшие годы происходили и более хуевые истории. Но кабы мы с Чумой устроили такой блудняк – проснулся бы я не на кровати, а на жестких нарах отдела. И, скорее всего, похмелье было бы меньшей из моих проблем.

– Согласен, – раздался хриплый голос от дверей кухни. И сколько же в этом голосе было боли и страданий.

Я поднял голову и посмотрел на вошедшего в кухню Чуму. Выглядел он, прямо скажем, не очень. Наверное, так выглядят аристократы, которые всего за пару часов потеряли все нажитые непосильным трудом капиталы. На лице еще виднеются остатки бывшего величия, но в остановившемся взгляде зомби уже явственно читаются боль и страдания. Чу-

ма прошаркал к столу и уселся рядом с блондинкой. И Катерина тут же поцеловала его в щеку и встала из-за стола:

– Так, все. Мне пора, мальчики.

– Родители потеряли? – ехидно осведомился я.

– Парень, – односложно ответила та. – Но по легенде, да.

Ночую я у родителей. Все, убежала.

Не сказать бы, что я охуел от этой новости. Чума не очень-то разборчив в связях. Даже не так: мой приятель был падок на все, что движется. Но на товарища я посмотрел с некоторым интересом.

– Удачи, – односложно ответил Чума.

– Я позвоню, – прощebetала Катя и выскочила из комнаты. А Чума спокойно продолжил смаковать чай.

– Черт, надо бросать пить. С каждым годом пережить похмелье становится все тяжелее.

– Давно её знаешь? – спросил я.

– Кого? – уточнил Чума. – Катю? Полгода где-то. В "Тортуге" познакомились.

– И ты столько времени мутишь с бабой, у которой есть мужик? – переспросил я.

– Старею, – пожал плечами Чума. – Или влюбился. Хуй знает. Она же блондинка. Всегда был равнодушен к девочкам со светлыми волосами. Они приносят мне удачу.

Чума допил чай и отставил кружку в сторону.

– Я убежала, – крикнула Катя из коридора, а следом хлопнула входная дверь.

– Ну вот. Ушла, – сокрушенно заметил Чума.

– Какой же ты мудака, – пробурчал я. – У неё есть парень.

Наверное, он её любит. А ты...

– Может быть, я тоже без ума от этой девочки, – ответил товарищ. – И вообще: я молод и свободен. Делаю что хочу и сплю с теми, кто даёт. Ты лучше скажи, чем думаешь заняться?

– Сперва думал навестить корешей. Только теперь в себя надо прийти.

– Это да, – кивнул приятель. – Навестить надо. Я тоже давно у них не был.

– Конечно. Тут чужие бабы. Не до друзей.

– Ты стареешь, – холодно ответил Чума. – Становишься мерзким брюзгой. Откуда в этот морализм? Давно ли ты стал настолько принципиальным?

– Когда-нибудь, тебе проломают голову, – заметил я. – И поделом. Потому как...

Мои нравоучения прервала возня на лестничной клетке. А затем, дверь распахнулась и в квартиру ввалился, с трудом протиснувшись в дверной проем утренний гость. И при его виде я ужаснулся. Уж не знаю, из каких соображений милая блондинка Катерина выбрала этого великана себе в партнеры, только вот выглядел этот тип, прямо скажем, отталкивающе: перебитый нос, маленький лоб, который намекал о не очень большом содержании серого вещества в черепной коробке. Да и в целом лицо великана хранило печать явно-

го генетического скрещивания близкой родни. Скорее всего, его родители были братом и сестрой. Довершали сей образ два шрама на лице, протянувшихся от уголков губ почти до висков. Кто-то сказал, что шрамы украшают мужчину. Так вот этому человеку стоило бы сперва посмотреть на нашего утреннего гостя, вломившегося в квартиру без приглашения, а потом уже пиздеть о красоте шрамирования. Улыбка Челси делала и без того страшное, перекошенное от злости ебло незваного гостя, совсем уж отвратительной. И кабы я встретил такого мужика ночью в темном переулке, то отдал бы ему все, что лежало в моих карманах ещё до того, как джентльмен попросил бы меня об этом. После чего побежал бы, полагаясь на скорость своих ног. И даже днём обходил бы потом стороной район, в котором водятся подобные огры.

Одет этот горный великан был в вытертые полинявшие джинсы и кожаную байкерскую косуху, пестревшую великим множеством нашивок. Чего только не было нашито на куртке этого господина. Мой неискушенный взгляд успел рассмотреть лишь несколько из великого множества. “Президент”, “АСАВ”, “Unholy ones”, однопроцентный ромб, “Map of Maunhem” и прочее. И если президент “Шедди” не шел по пути великого генсека, который присваивал себе ордена и медали самостоятельно, а заслужил их потом и кровью, то по вломившемуся в квартиру к Чуме дяде плакала половина статей Уголовного кодекса России.

За спиной облаченного в байкерскую косуху горного ве-

ликана, стояла Катерина. Собственной персоной. Вжавшись в дверной косяк, она жалобно смотрела на нас. И тут я понял, в какой блудняк втравил меня Чума своим неумением думать головой и держать свой хер в штанах, макая во все, что движется.

Глава 2. "Игра в Жизнь"

– Ну? – как-то недобро пробасил мужик, оглядывая нас налитыми кровью маленькими поросычьими глазками, и от этого голоса я невольно поморщился. Наверное, так воеет заводская труба, оповещающая о конце рабочей смены. А тем временем великан продолжил вещать:

– И кто из этих дрищей? Он?

Огромный палец гостя ткнул в мою сторону.

Похмелье словно испарилось. А в животе зашевелился ледяной ком страха.

– Я... – пролепетал было я, пытаюсь сказать, что я вовсе никакой не "он", и вообще недавно в город вернулся. Да вот слова застряли в горле намертво. А в голове мелькнула только одна мысль

“Ну и охуенную же удачу принесла Чуме эта блондинка. Ничего не скажешь”.

Незнакомец расценил мой ответ по-своему:

– Пиздуй домой! – рявкнул он на трясущуюся как осиновый лист Катю. – А вас, задохлики, я сейчас насмерть убивать буду. Вам пиздец!

Огр шагнул к нам, а через долю секунды хлопнула входная дверь. Видимо, Катя, чтобы и её до кучи не убили, спешно покинула квартиру, бросив своего любимого, то бишь Чуму, на произвол судьбы.

– Мужик, – начал было я, пытаюсь вразумить гостя. – Ты это... Не того...

Но байкер вовсе не хотел внимать голосу разума. Он перепрыгнул прямо на меня, а в маленьких пороссячьих глазках явственно читалось желание смертоубийства. Я попятился назад, выдвинув между мной и наступающим великаном стул, но хлипкая защита отлетела в сторону от мощного пинка, врезавшись в стену и разлетевшись на щепки.

"Мне пиздец", – подумал я, затравленно озираясь по сторонам. Спасти меня могло только чудо. Ибо вступать в драку с таким лосем, не имея под рукой пиленого обрезка арматуры, было бы чистой воды самоубийством.

Говорят, удача-баба крайне избирательная. Иногда она готова помогать тебе до последнего. Ну а порой оставляет тебя, наблюдая, как ты себя поведёшь. Так вот сегодня был такой день, когда она запаслась попкорном и гадая, сколько я проживу.

Вариант биться с таким мордоворотом в тесном пространстве кухни, я отмел сразу. Имей я при себе обрезок трубы, а еще лучше – травматический пистолет, возможно, этот вариант и имел бы право на жизнь. Но выходить с голыми руками против этого великана, было бы равносильно самоубийству. Уйти через окно тоже не выйдет: квартира Чумы располагалась под самой крышей, на двадцать третьем этаже. А полетам и левитации, я, к сожалению, был не обучен. Единственный путь ко спасению был за спиной амбала. И решив, что

хуже уже не будет, я схватил со стола кружку с кипящим чаем и метнул ее в мерзкую небритую рожу приближающегося ко мне мордovorота. Бросал я особо не целясь, скорее наугад. Но акция имела успех: кабан заорал от порции кипятку, которая попала на кожу, дернулся и закрыл свое мерзкое рыло руками. А кухню наполнил полный боли и ярости вой: – У пидор! Пиздец тебе. Убью, задохлик! На куски порву!

Вой был такой силы, что я едва не оглох. Во всяком случае, в ушах мерзко зазвенело. Но передо мной забрезжил шанс спастись. Слабая надежда на то, что этот огр не оторвет мне все выступающие части тела. И я вовсе не желал его бездарно проебать. На секунду я замер, борясь с нерешительностью. Но потом, желание жить все же взяло верх над ступором. И собрав кулак всю свою решимость, я резко рванул вперед, срывая дистанцию. На миг передо мной мелькнули удивленные глазки огра, который уже начал приходить в себя от порции кипятка. Видимо, он охуел от такого поворота событий, но теперь в его маленьких пороссячьих глазках вновь начало разгораться пламя лютой черной злобы и желание поквитаться со мной за такую наглую выходку. Времени оставалось мало. Резко и почти без размаха я пнул здоровяка по голени, а затем оттолкнул с дороги и бросился к двери. В два удара сердца я выскочил в прихожую, едва не поскользнувшись на кухонном кафеле, рванул ручку входной двери, и практически выпал на лестничную клетку. Прямо в чем был, я метнулся к балкону, который выводил на лестницу.

Мысль вызвать лифт даже не промелькнула в моей голове. Я спешил как можно скорее покинуть здание. И поэтому на счету была каждая секунда.

“Система Игры в Жизнь регистрирует нового персонажа”.

Лестничная клетка словно растворилась перед глазами, уступая место какой-то неведомой хуе. Пустая, ярко освещенная комната, в которой на фоне ростовой полицейской линейки стоял... я, собственной персоной. В руках у меня была табличка с номером.

“Введите игровое имя персонажа”.

“А-а-ахуеть”, – мелькнуло у меня в голове, и на табличке словно по мановению волшебной палочки появилось это же самое. Впрочем, через долю секунды, надпись моргнула и пропала.

“Имя занято. Введите внутриигровое имя персонажа”.

“Пиздец. Что происходит”?

“Имя занято. Введите внутриигровое имя персонажа”.

Через секунду идиллия от созерцания полицейского участка, да придумывания имен прервалась. Моё лицо с размаху врезалось во что-то твёрдое, и я опрокинулся с копыт на холодные плиты лестничной клетки. Морок исчез, уступив место каменной стене, в которую я, отвлечшись, въебался на приличной скорости.

– Ебать! – только и смог вымолвить я, пытаюсь подняться на ноги. – Да что за пиздец сегодня творится?

В голове шумело от сильного удара о стену. В глазах двоилось, а пол покачивался под ногами.

"Выполнено.

"Байкерский король".

Цель: президент байкерского клуба "Шедди".

Статус: Устранена".

Перед глазами на секунду появилась фотография с лицом утреннего гостя в байкерской косухи. А через секунду словно красный маркер перечеркнул фото крест – накрест.

– Чи-и-и-и-во, блядь? – потрясенно переспросил я. – Какое ещё на хуй задание? Что за цель?

Но ответа так и не последовало. Лестничная клетка снова подернулась, и я увидел себя любимого, держащего табличку у ростовой линейки в полицейском участке.

"Введите внутриигровое имя персонажа".

“Так, блядь. Успокойся. Это всего – лишь галлюцинация, вызванная помешательством от страха и последующим ударом об стену. Выдохни и придумай, наконец, ебаное имя, чтоб эти галюны закончились”.

– Нико, – едва слышно сказал я, и на табличке загорелось нужное имя.

Ярко щелкнула вспышка фотоаппарата, и начались совсем уж необъяснимые вещи.

Имя: "Нико".

Класс: Ассасин.

Уровень: Первый.

Игровые особенности класса:

Прирожденный циник. Пассивное. Доступно. Разблокировано.

“Жизнь жертв не особенно заботят ассасина, а до принципов морали ему нет никакого дела. Главное для этого персонажа-деньги, которые он получит за устранение цели. Ассасин лишен угрызений совести и переживаний по поводу загубленных ими жертв”.

“Излюбленное оружие. (Заблокировано). Требование для разблокировки: получить пять умений в ветке прокачки навыков "Боец" или "Стрелок".

“Убийца умеет уничтожать своих жертв великим množеством способов. Но предпочтение, ассасин отдает определенному виду оружия. При устранении цели оружием, которым пользуется чаще всего, игрок получает дополнительные бонусы по завершении задания”.

Планирование (активируемая, доступно). Лучшие потратят какое-то время на тщательное продумывание мелочей, чем потом сожалеть о спонтанности, пребывая в местах не столь отдаленных. Любой наемный убийца не желает быть пойманным случайным патрулем, и провалить дело. Стадия планирования преступлений позволяет ассасину минимизировать риск быть схваченным с поличным на месте преступления. Навык "Координатор" растет на 15% быстрее.

Внезапное нападение: убийца коварен, хитер и жесток.

Его излюбленная тактика – атака из засады, или нападение со спины. При атаках со спины или из засады, навыки, применяемые во время выполнения задания, растут на 10% быстрее.

Дань традициям: при убийстве жертвы ядом, холодным оружием или гарроты, награда, получаемая за задание, увеличивается на 25%

Незаметность в толпе: Ассасин должен уметь мастерски скрываться в толпе, а окружающие его люди сослужат для этого отличной маской. Навык "Плут-ловкач" растет на 20% быстрее"...

И в этот момент, в мою голову пришла запоздалая мысль: Чума. Он что, в квартире? Какого хуя следом не метнулся? Растерялся? Так или иначе, он остался там один на один с этим огром! Ему же там вот-вот пиздец придет!

Мысли об устранении какой-то цели, заданиях и прочей неведомой ебанине как хуем сдуло. Хоть Чума и был редкостным мудаком, хоть именно он и втравил нас в этот блудняк – он пока еще мой друг. Если, конечно, огр не расправился с ним, с особой жестокостью. Так что, как ни крути – а придется возвращаться.

Глава 3. Свидетель

"Битва Строри с Максимом продолжалась пятьчасов – то полыхая, как французская революция, то затихая, как коммунизм в период Брежневского застоя".

Djopny. "Сказки Темного Леса".

На мое счастье, этажом выше Чумы кто-то делал ремонт. Посему мне удалось разжиться обрезком трубы, длиной примерно полметра, с острым спилом на конце. С этим нехитрым оружием я и явился к дверям квартиры. Прислушался. В жилище Чумы стояла абсолютная тишина. Стараюсь не шуметь, я потянул приоткрытую дверь, поудобнее перехватил свое оружие и вошел в квартиру. Воображение рисовало страшные картины расправы: Чума лежит на полу, а наш утренний товарищ, сидя на нем, пиздит его великим множеством способов, превращая моего друга в фарш. Если повезет -перетяну этого пидора по затылку, а дальше – по обстоятельствам. А вот о том, что будет, если мне не представится такого удобного случая, я старался не думать.

Первым, что мне бросилось в глаза, едва я вошел в квартиру, был утренний гость, который лежал на полу, раскинув руки и уставившись в потолок, Из-под его затылка успела натечь большая лужа ярко-красного. Еще одна струй-

ка, перечеркнув алой линией висок, текла из правого уха. А на уголке кухонной столешницы неестественно смотрелось красное пятно. Довершал эту немую картину Чума, который сидел напротив развалившегося байкера, глядя на мертвеца огромными от удивления глазами. И увидев своего товарища живым и здоровым, я облегченно вздохнул:

– Я уж думал, тебя замесили, – пробормотал я, опуская трубу. – А тут вон оно что.

Чума оторвался от созерцания мертвеца на полу своей кухни и перевел взор на меня:

– Ты... какого хуя наделал? – заплетающимся языком с трудом пролепетал он. – Это же...

– Судя по нашивкам, президент клуба “Шедди”, – ответил я, подходя ближе и разглядывая мертвеца. Теперь, лежа на полу, он уже не казался таким огромным да устрашающим. Видимо, под влиянием паники я здорово преувеличил его габариты.

– Ты... понимаешь, что теперь нам пиздец? – спросил Чума, глядя на меня.

– Ну, во-первых, видит Бог – я не хотел такого исхода, – начал я. – А во-вторых: кабы не я – убил бы он нас обоих страшной смертью. И тебя-то хуй с ним, за дело. А вот меня за какие заслуги? И вообще: я виноват? Говорил же, блядь, что у тебя очень скользкий пол. Вот он и упал. Неудачно. Не повезло.

Осторожно, стараясь не наступить в лужу натекшей

крови, я перешагнул через тело и уселся на стул, положив свое оружие на край столешницы.

- И что делать? – запричитал Чума. – Теперь нам точно пиздец! Вот влипли-то, блядь!

- Да, некрасиво как-то вышло, – протянул я, глядя на лежащее на полу тело. Раскаяния за совершенное не было. Только какая-то пустота, и... чувство того, что я сделал очень большое дело. Словно сложная, практически невыполнимая задача, наконец была разрешена.

- Не о том ты думаешь, – ответил я. – Проблемы надо решать по мере их поступления. А вот первая из них – куда деть этого кабана.

"Получено задание: "Чистильщик". Избавьтесь от трупа, чтобы не попасть в поле зрения полиции".

Кухня снова подёрнулась поволокой и расплылась перед глазами. Я по-прежнему сидел на табурете у стола, только вот ни кухни, ни Чумы, ни мертвеца на полу уже не было. На её месте вновь проступила чёрная комната.

Я затряс головой, но в этот раз морок и не думал исчезать.

"Игровые подсказки. Избавиться от трупа можно, если...".

Где-то на краю сознания раздался истошный женский визг. И морок разом спал, а я вновь очутился на кухне Чумы. Труп на полу никуда не делся. А причиной шума в квартире была та самая Рита, о которой, в свете последних утрен-

них событий, я уже успел позабыть.

Девушка стояла на пороге кухни, расширившимися от ужаса глазами глядя на труп. И издавала высокий мерзкий звук, от которого у меня моментально заложило уши. Стоило отдать девушке должное: вопила она долго и на одной ноте, не повышая и не снижая уровень шума.

– Да заткнись ты! – рявкнул я, но это не возымело ровным счётом никакого результата.

Пришлось встать со стула, перешагнуть через тело, подскокить к девушке, схватить ее и заткнуть рот ладонью. И мерзкий визг мигом превратился в мычание. Бессвязное, а самое главное – тихое.

– Так-то лучше, – удовлетворенно пробормотал я.

"Получено новое задание: "Нежелательный свидетель". Избавьтесь от гражданского лица, который стал свидетелем преступления".

– Избавиться? – непонимающе переспросил я. – это, блядь, как? Это тебе не мешок с мусором, чтоб вот так взять и избавиться.

В следующую секунду я был наказан за потерю бдительности жесткой пиздюлиной, прилетевшей по рёбрам. Потому как Рита, видимо, услышав от разговаривающего с самим собой ебанатика слово "избавиться" мигом "перекинулась" в фурию. Скорее всего, закономерно решила, что сейчас и её насмерть убивать будут.

Знаменитый архитектор Клодт украсил Аничков мост

в Санкт – Петербурге четырьмя статуями, посвященными укрощению строптивых коней. Уж не знаю, чем вдохновлялся автор, но композиция "укрощение строптивой Риты" была ничем не хуже. И попади архитектор в то утро на квартиру к моему другу – я был бы уверен: на одном из мостов нашего города присутствовали скульптуры, ничем не уступающие знаменитым питерским "коням". Все было в этой полной жестокости борьбе не на жизнь, а насмерть: жажда свободы и пиздюли, которыми щедро осыпала Рита, и отборный мат и проклятья в ее адрес от меня.

– Ты бы помог, братец, – крикнул я Чуме, которого заворожило данное зрелище. – Ай, блядь. Да угомонись ты!

Последнее было адресовано разъярённой фурии. Воспользовавшись моим секундным замешательством, ей удалось высвободить одну руку и впиться своими когтями мне в запястье.

– А?

Чума мигом сбросил оцепенение, поспешив мне на помощь. И лишь вдвоём нам удалось кое-как удержатъ девушку, затихав её в одну из комнат и закрыв дверь. А в следующую секунду на тонкую преграду обрушился град страшных ударов. И приглушенный дверью истошный визг, в котором слышались мольбы о помощи и призыв ко спасению.

– Пиздец, – с трудом переводя дух ,прохрипел Чума, вытирая кровь с рассеченного на полосы ебла. И кабы я не был свидетелем того, как его лицо драла когтями Рита несколь-

ко секунд назад – решил бы, что мой товарищ сошелся в кулачном бою с медведем. – Где ты её такую нашёл?

– Дралась с нарядом на Московском вокзале, – ответил я. – Не поверишь: увидел ее – и в тот же миг понял: моя. Рожса у тебя, к слову, подпорчена знатно.

– На себя бы посмотрел, – огрызнулся Чума, прикладывая к кровоточащему лицу невесть откуда взятое полотенце.

– Охотно верю, – согласился я. – Так или иначе, у нас появляется один неразрешенный вопрос. В этой комнате сидит девушка, которая видела на кухне труп. И если она выйдет из квартиры, первое, куда направится, будет ближайший отдел полиции. А это значит, через час в дверь постучит СОБР. Тараном. Статья сто пять, часть два. Убийство, совершенное группой лиц. От восьми до двадцати лет. А если мы оставим ее там, – я указал на комнату, – на ее вой стянутся соседи. Возможно, из близлежащих домов.

– И что ты предлагаешь? – спросил Чума.

– Кому-то из нас нужно войти в эту комнату и решить вопрос.

– Что значит “кому-то из нас”? Лично я не войду внутрь без святой воды, креста и дипломированного экзорциста. Ты привел эту бесноватую бабу в мой дом, ты прибил главаря “Шедди” – тебе и разгребать.

– Верно, но в блудняк мы вписались благодаря тому, что ты думал нижней головой, когда ебал бабу этого самого главаря, – парировал я. – Так что с твоим заявлением про

то, кому разгрести, я бы поспорил.

Однако Чума был непреклонен:

– Пусть тогда все разрешит старьей как мир способ.

Смотри.

Чума начал считалку, поочередно указывая пальцем то на меня, то на себя:

– Курочка. Ряба. Сидела. Ну вот. Тебе и идти.

– Да ебись ты провались, – выругался я, толкнув дверь и входя в комнату. – Ну хуй с тобой. Живи уродом.

Глава 4. Убеждение

Фурия тут же бросилась на меня, едва я переступил порог. Видимо, действовала она по той же самой схеме, что я провернул с президентом "Шедди". Да вот только в этот раз я был готов к атаке. Поэтому отскочил в сторону и стул, который бросила в меня Рита, разлетелся об стену. Я же рывком сдернул простыню с кровати и набросил на девушку.

Это возымело успех. И пока Рита барахталась, пытаясь выпутаться из ткани, я сбил не её с ног, бросив на кровать и навалившись сверху, зажав ладонью рот. Девушка замолчала. Я осторожно приподнял край простыни, открыв личико "Гюльчатой". Красная от ярости Рита зло сопела, в упор глядя на меня. И в ее почерневших от злости глазах читались все муки мира.

– Сейчас я уберу руку, и мы все обсудим, – осторожно сказал я. – Договорились? Моргни.

Несколько секунд, Рита пристально смотрела на меня большими голубыми глазами. И когда я уж было решил, что согласия меж нами не будет, она, наконец, моргнула.

– Вот и отлично.

Я убрал руку с её губ и быстро заговорил:

– Итак, Маргарита... Как тебя?

-П – п – п...

Она запинаясь и фамилию так и не выговорила, вместо этого издавая какое-то змеиное шипение. Но это было лишним. Система и без того выдала мне её данные.

– Хорошо, Маргарита П – п – п. Ты же знаешь мужика своей подружки?

– З-знаю, – прохрипела Рита.

– Это упрощает задачу. Видят боги, не хотел я такого расклада. Но он почему то решил, что я трахаю его девушку. Поэтому пришлось этого борова прикончить. Иначе бы он бы ебнул меня. Понимаешь?

Рита кивнула.

– Так уж вышло, – продолжил я, – что ты оказалась не в том месте не в то время. И увидела лишнего. Но я уверен: у тебя плохая память. И поэтому ты забудешь все, едва только выйдешь из квартиры. Если я порешил этого громилу – представляешь, что я могу сделать с тобой?

О способе расправы со здоровяком я предпочёл умолчать. В широко раскрытых глазах Риты на секунду промелькнуло недоверие, что я, тощий как щепка, порешил утреннего гостя, проломив тому голову. Но потом она, видимо, вспомнила труп, лежащий на полу кухни:

– Д-да, представляю. Клянусь, я ничего не видела.

– Вот и чудно.

Я встал с кровати и протянул девушке руку. И едва она оказалась на ногах, добавил:

– Помни, Рита Потемкина, что живёшь ты на Лунной

двадцать три. Квартира сорок. А ещё у тебя есть собака по кличке Гарант. Гарант, блядь. Что за дебильное имя? А, ладно. Так вот: узнай о том, что произошло в квартире, хоть одна живая душа – мои друзья наведаются в гости и убьют тебя на хуй. И собаке твоей пиздец придёт, и котам. Все ясно?

Рита не ответила, но, по-видимому, её очень удивила такая осведомленность. Её рот слегка приоткрылся, словно она хотела что-то сказать, но в последний момент передумала, а и без того большие глаза, стали совсем огромными от удивления.

"Вам удалось запугать свидетеля и заставить его отказаться от дачи показаний.

"Навык "Манипулятор" улучшен".

"Навык "Манипулятор" улучшен".

"Навык "Манипулятор" улучшен".

"Выполнено.

Нежеланный свидетель.

Получен новый уровень. Вам доступно одно нераспределенное очко умений. Вам доступно два умения на выбор: "Стрельба" или "тактика".

– А-а-ахуеть, – протянул я. – Ну и дела творятся.

Признаться честно, эти галлюцинации меня слегка напугали. Но судя по информации, "свидетель" не станет болтать о произошедшем кому попало, а уж тем более, полиции.

Иди с богом, девочка, – кивнул я стоявшей рядом со мной Маргарите. – и помни. Если с твоих губ сорвётся хоть слово...

Я состроил самую злобную рожу и погрозил девушке пальцем. Та вздрогнула и послушно кивнув, поспешила к двери.

“Навык “Манипулятор” улучшен”.

“Еб твою мать!”

И на секунду, у меня мелькнула было мысль запереть эту самую Риту здесь на пару суток и угрожать ей множественством способов, чтобы посмотреть, что даст этот навык. И лишь великим усилием воли я прогнал мысль от себя.

Вдруг это баг? И за такой эксплойт система меня ужасно наказывает? Или вообще забанит? Не, ну его на хуй.

Я покачал головой, гоня от себя эти мысли, и вышел из комнаты.

– Ну, что делать будем? – поинтересовался Чума. – да какого хуя ты там завис-то?

– А? – переспросил я, глядя на Чуму.

Последние полчаса я все искал способ, как вновь запустить этот злобучий интерфейс, и узнать подсказки. Но система никак не хотела себя проявлять.

– Напомню специально для тех, кто сидел в металлоконструкции, на которой Ильич устраивал флешмоб в Петербурге, – медленно растягивая слова, начал растолковывать

мне Чума. — У нас на кухне лежит убитый человек. И вместо того, чтобы думать, как решить эту проблему, ты, блядь, зависаешь и тупо пялишься в стену!

— Ага, — кивнул я. — Нам нужна сильная кислота. Например, соляная. А для того чтобы растворить кости, можно добавить окислитель. Очень хорошо подойдет дихромат калия. Эта смесь избавит нас от тела, не оставив следов.

Я выпалил все на одном дыхании, словно повторяя заученный текст. И это произвело эффект взорвавшейся бомбы.

— Дихро... что? — ошарашенно переспросил Чума. — Братан, ты это... странный в последнее время. Переживаю я за тебя. Ты всегда был горазд выдать какую-нибудь хуецу, но это совсем уж перебор. Боюсь даже спрашивать, откуда у тебя вообще в голове столь ценная для нас информация. Пиздец какой-то. Да что с тобой творится?

— Ну, если этот вариант тебя не устраивает, — пожал плечами я, — то поступим проще. Вывезем вечером тело в лес на сельмаше.

"Вывезли вечером мальчика в лес. Деньги остались, а мальчик исчез", — вспомнились мне строчки известного стихотворения.

Чума посмотрел на меня как совсем уж на конченного ебанатика:

— Ты в своем уме? Мы потащим такую тушу вдвоем? Но этот план чуточку лучше, чем это твое предложение с кислотой.

“Внимание! Один или несколько членов байкерского клуба "Шедди" проникли в дом вашего друга”.

– Чума, ты же запер входную дверь? – запоздало, поинтересовался я, потянувшись к лежавшему на столе обрезку трубы.

Чума открыл было рот, чтобы ответить, да вот только времени на это ему никто не дал. В следующую секунду на кухню вошел.

– Доброе утро, – улыбаясь, произнёс гость.

– Да какое же оно, на хуй доброе, – хмуро ответил я, глядя на вороненое дуло направленного в нашу сторону пистолета.

Глава 5. Гость

– Твоя правда, – согласился со мной собеседник.

Он присмотрелся ко мне и довольно кивнул. А потом опустил пистолет.

– Я хочу поговорить с твоим товарищем наедине, – доверительно сказал он, обращаясь к застывшему в углу кухни Чуме. – Иди поиграй мальчик.

Звучала эта фраза достаточно убедительно. А еще была в этой фразе какая-то злая сила, что заставляла делать тебя что-то против твоей воли. Звучало это так, даже я едва не встал со стула и как зомби не зашагал прочь из комнаты. Чума с недоверием посмотрел на вице-президента, а потом встал и послушным зомби зашагал к двери. Прямо в чем был.

– Убеждение – великая вещь, – довольно протянул байкер, переступая через труп и проходя на кухню. – Не ссы. Вернется он со свежей головой, и о делах сегодняшних помнить ничего не будет.

В нем было что-то необычное. И лишь присмотревшись, я понял, что именно.

Над головой байкера вспыхнула, замерцав, серебряная звезда.

"Имя: Рыжсий.

Класс: контрабандист.

Уровень: пятый.

Принадлежность к банде: "Шедди".

Выдала мне Система.

– Класс "Ассасин", – произнес Рыжий, как только за Чумой закрылась дверь квартиры. И в голосе его слышалось нескрываемое уважение. – Да ещё и только что зарегистрированный системой.

– А? – едва слышно переспросил я.

– Эх, золотое время, – мечтательно протянул байкер, усевшись на край кухонной столешницы и положив пистолет рядом, на каменную плиту. – Система только зарегистрировала тебя. Выдала класс и имя. И окружающий мир словно преображается. Это чудное ощущение новизны. Жаль, длится оно недолго. Проходит примерно месяц-полтора – и состояние волшебства, которое создаёт система, перестаёт тебя удивлять. Мне кажется, она ломает игрока, подстраивая под себя. Впрочем, точного ответа на этот вопрос я не знаю. Могу с уверенностью сказать только одно: она подкидывает тебе сгенерированное под обстоятельства задания, а ты должен их выполнять. Иначе пиздец. Пока ты этого не понял, но у тебя все ещё впереди. Чем ты его? – он кивнул на мертвеца. – Трубой?

– Нет. – промямлил я. – Так вышло. Полы у Чумы больно скользкие.

Вице-президент понимающе кивнул:

– Случайно убил, – осторожно повторил он, словно про-

буя эти слова на вкус. – И система тебя выбрала, выдав класс. Это ведь твоё первое убийство?

– Да.

– Ну тогда поздравляю со вступлением в "Игру в жизнь".

– То есть... – непонимающе протянул я. – Убивать меня ты не собираешься?

Вице-президент удивленно посмотрел на меня, а потом расхохотался:

– Так вот в чем дело. Убить я тебя не могу хотя бы потому, что ты неофит. То есть, недавно зарегистрированный игрок. Точнее, прикончить я тебя могу. Но система выкатит мне нихуевый штраф за убийство новичка. А бонусов я не получу никаких. Так что... Думаю, тебе стало чуточку легче и мы сможем, наконец, вести диалог.

– Слово "чуточку" не отражает все те чувства, которые я испытал, – прохрипел я.

С души и правда словно упал камень размером с гору. Вместо напряжения и томительного ожидания развязки, наступило облегчение. А где-то на краю подсознания начало проявляться слабое любопытство.

– И теперь ты спокойно свалишь отсюда?

Наёмник задумчиво потёр ладонью подбородок:

- Думаю, тебе нужна будет помощь с мертвецом?

Челюсть моя отвисла до пола, едва я услышал этот вопрос. Я удивленно посмотрел на неожиданно появившегося "союзника":

– С какого хуя ты станешь мне помогать?

– Полезно иметь в друзьях игрока – ассасина, – просто ответил вице-президент.

– Ну-у-у, – задумчиво протянул я. – Тут думать надо. Я ещё не решил, принимать от условия этой ебучей игры, или лучше свалить из города, пока не поймали.

На секунду мне почудилось, что эти слова смогли удивить невозмутимого байкерского принца. Во всяком случае, посмотрел он на меня как на, лишившееся остатков ума и нуждающееся в медикаментозном лечении существо. До того удивленный взгляд был у байкера. Правда, длилось его удивление долю секунды. А в следующее мгновение, он расхохотался:

– Забавная вышла шутка, – едва смог произнести он сквозь смех.

– Кто сказал, что я шушу?

И этот вопрос довел моего собеседника до истерики.

– А-ха-ха. Бросит, – едва мог он произнести сквозь смех. – Не шутит он. А-ха-хах. Вот умора!

Я непонимающе уставился на него. Но продолжать внятный диалог наёмник не мог. Он хохотал без остановки, стуча ладонью по столешнице. Лишь иногда сквозь смех он с трудом повторял какие-то бессмысленные обрывки моей фразы, отчего приходил в ещё большее веселье. Это продолжалось добрых десять минут. И я уж начал было беспокоиться за психическое состояние гостя, но байкер кое-как

смог унять истерику.

– Ох, ебать. Ну ты и шутник, – с трудом выговорил он. – Давно я так знатно не веселился.

– Не вижу повода для твоего истерически – ебического смеха, – начал было я, но контрабандист меня прервал:

– Повод то как раз знатный. Просто ты ещё мал и глуп. И не видал больших... закатов солнца. Во-первых, свалить в чужие края у тебя уже не выйдет. Точнее, чисто теоретически ты можешь сесть на поезд, самолёт, или съехать из города на попутках, – поправил он себя, – но!

Он наставительно поднял указательный палец и продолжил:

– Но только спокойно жить на новом месте у тебя вряд ли выйдет больше недели. Потом начнётся что-то вроде сильной депрессии. Ты захандрешь, потеряешь аппетит, и жизнь станет серой и скучной. Это первая стадия местного возвращения в игру. Потом тебя начнут забывать сообщения о невыполненных заданиях и прочая хуета. Они будут вылетать круглосуточно, и днём, и ночью, отчего ты потеряешь сон и покой. От этого ты станешь злым, агрессивным и склонным к физическому насилию. Тебя потянет обратно. Эта херня сводит с ума, брат. В прямом смысле слова. И если ты не вернёшься к игре, то закончишь свои дни в сумасшедшем доме, привязанный к кровати и обколотый аминазином, под пристальным присмотром санитаров. А какое-нибудь юное светило медицины напишет дис-

сертацию о том, как парень уделял много времени компьютерным играм, оттого совсем ума и лишился. Такая вот хуета, – закончил байкер, пристально глядя на меня. – нет из этой игры выхода. Если уж Система тебя выбрала – дорога тут или в могилу или в дурку.

Я слушал моего нового товарища и не верил своим ушам, думая, ебанутый ли он, или просто пытается надо мной подишутить.

Но говорил все это байкер с самым что ни на есть серьезным видом. И по всему выходило, что он прав. И от понимания этого, мне стало чуточку не по себе.

"А гори оно все пламенем синим" – решил я для себя. – "Ебись конем. Ну подумаешь, преследует тебя какая-то хуета. Так и что с того? Вон, Рыжий. Сидит передо мной и вроде чувствует себя нормально. В добром здравии, так сказать. Значит, это не смертельно. А что до уведомлений? Все мы чуточку со сдвигом. В некоторых вон по несколько личностей существует, и ничего. Не так уж часто, к слову, эти уведомления всплывают, в конце-то концов. Поживем-увидим, что дальше делать с этой "Игрой в жизнь". Может быть, их отключить можно. И не париться".

– Засим откланиваюсь, – утренний гость встал со стула и направился к выходу. – Заеду вечером. Там и решим вопрос, что делать с этой тушей.

Глава 6. Сельмаш

"Тьма опустилась на мир, дух насилия будоражил сердца, наполняя копилку человеческих слухов жуткими прецедентами".

Djopny. "Сказки Темного Леса".

Хлопнула входная дверь, выпустившая Рыжего из квартиры на лестничную клетку. Я же остался сидеть, тупо пялясь в стену. Попытался было вызвать интерфейс игры, чтобы хоть чуть вникнуть в это доселе невиданное мне чудо, но вышла лажа. Интерфейс игнорировал мои попытки и никоим образом себя не проявлял.

– Еб твою мать, – выругался я, вставая со стула. Раз уж игра в жизнь спряталась, нужно решить проблемы более насущного толка. А может, и не было никакой "Игры в Жизнь", а все, что случилось сегодня просто бред? У меня просто засвистела фляга, вот и пожалуйста. Результат, так сказать, налицо. Бред и шизофазия. Хотя...

Мой взгляд упал на труп, лежавший на полу и смотревший в потолок остекленевшими глазами. Нет, вроде не бред. И Раз уж игра никак себя не проявляет, нужно решить проблемы более насущного толка.

Я тяжело встал со стула, осторожно перешагнул через натёкшую на кафель лужу крови, и зашёл в спальню, в ко-

торой сегодня утром проснулся я этой самой Ритой. В носшибанула резкая смесь из запахов пота и перегара. Да такой сильный, что меня едва не вывернуло. К горлу подкатил сильный рвотный спазм и я трижды поблагодарил Богов, что не стал завтракать. Стараясь не дышать, я быстро пересёк комнату и открыл окно, впуская в помещение поток свежего воздуха. Так-то лучше.

На кровати валялась простыня, в которую я еще недавно укутывал Риту, чтобы она не дергалась. Но теперь, она нужна была мне для несколько иных целей. Я подхватил скомканную ткань, потом, подумав, прихватил с собой ещё и плед. И осторожно вышел из комнаты.

Первой моей задумкой стало упаковать труп, чтобы он не раздражал меня тупым обесмыслившимся взором. И вздохнув, я принялся за дело. Расстелил на полу плед, на него положил простыню и попытался было перекатить на импровизированную подстилку байкера.

Это было непросто. Горный великан, которого по недоразумению причислили к биологическому виду “человек” был так тяжел, что, когда мне удалось перекатить его на подстилку из одеял, с меня сошло семь потов. Я тяжело дышал, а руки болели так, будто я целый день без остановки разгружал вагоны.

– Ну и тяжелый боров, – с трудом просипел я, утирая со лба тонкую струйку пота. – Проще было разделать тебя на куски.

“Не прощя, – тут же поправил себя я. – Чтобы правильно разделать тело, нужен некоторый опыт. Распилить человека по сухожилиям суметь надо. А я этими умениями совсем не располагаю”.

Но в целом результатом проделанной работы, я остался доволен. Тело было плотно замотано в плед и теперь на полу передо мной лежало нечто, мало чем напоминающее человеческий силуэт. Кровь из пробитого затылка больше не текла, так что на одеяле не проступили красные следы. Хотя, признаться, я очень этого опасался. Закончив упаковку тела, я хотел было затереть следы крови на полу, но очень быстро отказался от этой затеи. Борьба с тяжёлым мертвецом украла остатки сил. Поэтому сил моих хватило лишь на то, чтобы сесть на стул, меланхолично отпивая из кружки чай. Сперва, в голове еще проскальзывали какие-то мысли, путавшиеся, будто клубок гнилых ниток. Потяни за одну – и мысль-нить тут же обрывается. Потом исчезли и они. Я сидел как зомби, уставившись в стену обесмыслившимся взглядом. Это было некое подобие транса или медитации, когда тело выполняет какие-то несложные механические действия, но мозг словно не воспринимает окружающую тебя реальность. Оно чем-то напоминает “спящий режим” компьютера или ноутбука. Несколько часов в состоянии подобного транса сжимаются до пары минут. Это состояние крадет все воспоминания, так что когда ты из него выходишь-то совсем забываешь о чем и зачем

задумался. Так я и просидел, недвижимо и бездумно, до того момента, пока не хлопнула входная дверь. У меня совсем вылетело из головы, что после ухода Рыжего, стоило бы ее закрыть. И мое сонное оцепенение словно хуем сдуло. Я разом напрягся, уставившись на входную дверь и подумав, кого еще могло принести, а главное – за каким хуем? Не квартира, а проходной двор какой-то. Но это был всего – лишь мой утренний приятель, Рыжий.

– Пора, – односложно сказал он. – Ты ведь не передумал избавляться от этой туши?

С этими словами Рыжий зачем-то протянул мне руку.

– Не передумал, – односложно ответил я, пожимая протянутую ладонь.

“Вы заключили коалиционное соглашение с другим игроком. Коалиционное соглашение между игроками будет действовать до окончания совместного прохождения задания. На время коалиционного соглашения вы становитесь отрядом. Нанесение урона члена отряда будет караться внутриигровым штрафом. Убийство члена отряда будет караться лишением класса и полным обнулением игрока”.

– Что за...

– Подстраховка, – буднично, ответил Рыжий. – В первую очередь – твоя. Система создала группу, так что до окончания выполнения совместного задания, ты можешь не волноваться за свою жизнь. Ну? Приступим?

Ухватив одеяло за углы, мы попытались поднять тело

с кафеля. Вышло это у нас с превеликим трудом.

– Потащили, – ойкнув, просипел Рыжий, пятясь к входной двери.

– А люди? Вдруг увидит кто? – с сомнением спросил я.

– Система сообщит, если кто-то заметит что-то странное. И сообщит, если появятся свидетели, которые готовы сообщить в полицию. – пропыхтел Рыжий, открывая дверь и вытаскивая тело на лестничную клетку. – Так что этот вопрос можно решить потом.

Он опустил тело, которое с глухим стуком ударилось о кафель лестничной площадки, и, с трудом разогнувшись, нажал на кнопку вызова лифта.

– Убить? – уточнил я.

Рыжий как-то недобро посмотрел на меня:

– Зачем? Ты что, мясник какой? Есть великое множество способов урегулировать эту проблему. Например, запугать. Или убедить. Подкупить, в конце концов. Это вспомогательные умения, которые тебе дает Система. И на удивление, они работают на людей. Словно и не ты говоришь. Другой голос, другие интонации...

Я кивнул, вспомнив, как я сумел "убедить" Риту Потемкину не сообщать в полицию об увиденном ей. Времени на это потребовалось немного. И убивать вовсе не пришлось.

Пискнул лифт, распахивая перед нами металлические створки. И мы, ухватив одеяло, затащили тело в залитую светом кабину.

На наше счастье, по дороге от дверей квартиры до подъезда, нам не повстречалась ни одна живая душа. Вместе мы с трудом выволокли замотанный в одеяла труп, кое-как погрузив его в багажник машины, которую мой предусмотрительным коллега подождал почти к самому подъезду. И едва туша огра шлёпнулась на дно багажника, как машина ошутимо просела на заднюю ось. Будто мы не человека в неё погрузили, а подпилили пружины стоек. Байкер ещё раз взглянул на замотанное тело, и, весьма довольный собой, захлопнул багажник. Машина с двумя людьми и трупом в багажнике, выехала со двора на подсвечиваемую фонарями дорогу.

Всю дорогу мы молчали, думая каждый о своем. Рыжий не особо вдавался в подробности о том, куда мы едем, а я не спрашивал: до того меня утомил сегодняшний день. И лишь когда мы свернули с Ильича по направлению к Сельмашу, Рыжий все же не удержался:

– У меня только один вопрос, – повернулся ко мне новый товарищ. – Как я понял, ты недавно в город вернулся. Зачем тебе было надобно вписываться за этого ебанутого?

– За кого? – не сразу въехал я, к чему клонит байкер.

– Ну за приятеля своего. У него же явно отклонения.

С этими словами Рыжий недвусмысленно покрутил пальцем у виска.

– Ну, во-первых, этот огр, ваш бывший президент, не стал разбираться, кто именно из нас бывал в его бабе, – начал я. – С самого начала он решил, что это я. А когда

уже идёт такая пьянка и на тебя прет жаждущая смертоубийства гора с гнусной, перекошенной от злобы рожей. Тут не до размышлений. Тут сперва надо бить, и желатель-но, железной трубой, а потом уже разбираться, кто, зачем и почему. Ну а во-вторых... Я вроде как Чуме должен. Мы нахуевертили не слабо и мне пришлось из города бежать. А чуму поймали. Но он никого из подельников не сдал. И сел бы на полную, кабы адвокату не удалось дело развалить.

Байкер не ответил. Просто кивнул, выезжая с дороги. Шины зашелестели по гравию. Чисто теоретически, мы все ещё были в черте города. Только вот здесь даже намёка на цивилизацию не было. Это была самая окраина Сельмаши. Так далеко я ещё не забирался, и поэтому всматривался в темноту улиц за окном. По обе стороны от грунтовой до-роги тянулся частный сектор. А впереди, в отдалении вид-нелись кованые пики забора старого кладбища. И я уж было решил, что этой ночью мы подселим бывшего президента байкерского клуба “Шедди” к кому-нибудь из старых постояльцев этого погоста, но Рыжий свернул на неприметную грунтовую дорогу, заваленную мусором. Машина объехала старый шлагбаум и остановилась на заросшем травой пу-стыре. У одного из отстойников – бетонного колодца, вко-панного в землю. Третий верхнего кольца торчала над зарос-шей травой землей.

– Приехали. Старые очистные, – пояснил Рыжий. – Здесь и отправим тело Владика Тропой Вечной Охоты. Очень до-

стойные похороны для крысы.

Мы вышли из машины. И только сейчас я понял, почему байкер так настойчиво предлагал мне взять с собой маску или шарф. Вонь здесь стояла такая, что заслезились глаза. Стараясь дышать реже, я поспешил к багажнику, помогая Рыжему вытащить труп.

– Какой ты... тяжелей... Владик, – просипел байкер, когда мы подняли тело из багажника. – Ну и кабан, блядь.

Лицо его покраснело от напряжения. На лбу и руках вздулись синие дорожки вен. Он припарковал машину почти рядом с колодецем, но эти несколько шагов показались мне вечно­стью. С великим трудом мы дотащили тело до колодца. И тут Рыжий внезапно остановился, прислонив труп к бетонному кольцу:

– Стой, – пропыхтел он, придерживая труп за плечо.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Жилет. Негоже хоронить человека в цветах.

– Справедливо, – ответил я.

Прислонив мертвеца к бетонному кольцу колодца, мы принялись торопливо стаскивать с него жилетку. Это было непросто: к вечеру поднялся сильный, пробирающий до костей, порывистый ветер. Неустойчивый Владик качался, все норовя вырваться и рухнуть в траву. Но хуже всего нам приходилось, когда меняющиеся порывы ветра толкали байкера к кольцу, словно пытаясь покончить со всем этим, и столкнуть, наконец, труп в колодец.

– Да держи ты его! – прохрипел Рыжий, пытаясь снять жилет.

– Я... Не муравей и не слон, – тяжело дыша, огрызнулся я. – для того, чтобы передвинуть эту тушу, нужен подъёмный кран.

Мертвец шатался, опасно кренясь к черному провалу колодца и таская меня из стороны в сторону. Будто пятилетнюю девочку, которая держит на поводке рвущуюся погулять Московскую сторожевую.

– Ну бля! Ещё немного. Ага, есть!

Жилет огра оказался в руках рыжего. Аккуратно, словно боясь повредить очень хрупкую вещь, байкер сложил его вчетверо.

– Отпускай, – тяжело дыша просипел рыжий, утирая струящийся по лицу пот.

Я тут же перестал держать тушу, которая безвольно прислонилась к бетонному кольцу. Налетевший порыв ветра толкнул мертвеца, перегнув через край парапета. Ноги Владика подогнулись, и тело полетело в черный провал. И я начал отсчитывать про себя время полета.

Плюх!

Приглушенный звук упавшего в мутную воняющую жижу тела, многократно усиленный эхом, долетел до нас, едва я досчитал до трёх.

– Готово!

Мой напарник отряхнул руки. При этом лицо у него бы-

до до того довольное, словно мы не утопили труп, а нашли клад.

"Выполнено.

Чистильщик".

"Навык Стрелок улучшен".

"Навык Стрелок улучшен".

Получен новый уровень. Вам доступно одно нераспределенное очко умений. Вам доступно два умения на выбор: "Стрелок" или "Координатор".

– Грац, – раздался где-то на краю сознания голос Рыжего. – с левел апом.

– А? – тупо переспросил я.

– Поздравляю, что уровень пробил, – пояснил мой собеседник. Он сидел на корточках в высокой траве, положив снятый с мертвеца жилет на колени и глядя на меня с любопытством. – Что дали?

– "Стрелка" или "Координатора".

– Хм, – Рыжий задумчиво почесал ладонью подбородок.

– Что выбрать? – спросил я.

Рыжий развёл руками:

– Сам думай, – просто ответил он. – обе плюшки хороши. Наверное. Я контрабандист, так что с тобой у меня умения почти не совпадают. Посоветовать ничего не могу. Посмотри описания и выбери для себя что на данный момент тебе больше по душе.

– А как посмотреть описания умений?

– Просто выбираешь умение. Можешь выбрать жестом. Это будет смотреться достаточно забавно со стороны: парень с закатившимися, затянутыми белой поволокой глазами, тычет в разные стороны рукой. Хорроры про одержимых демонами отдыхают. Или просто про себя произнести нужный навык и попросить у системы его описание.

Я попытался было поступить, как советовал мне мой товарищ, но порывы сырого ветра, промозглого ветра вмиг вышибли из меня всю уверенность и желание разбираться с настройками, прокачкой и прочей хуетой. За то время, пока мы с почестями хоронили убиенного мной байкера, я успел изрядно продрогнуть. Вдобавок вонь, которая стояла на очистных, вышибала злые слёзы из глаз, что мешало сосредоточиться на настройках.

– Поехали обратно, – зло буркнул я. – Дома разберусь.

Рыжий лишь пожал плечами, встал и пошел к машине.

Обратную дорогу мы молчали. И хотя у меня было немало вопросов по поводу этой ебучей игры, а мой новый знакомец, как я понял, уже немного разобрался, что к чему, обстановка как-то не располагала к разговору. И лишь когда мы уже въехали во двор, где жил Чума, он обронил:

– Заезжай в гости, если захандришь. Посидим, пообщаемся. Авось у нас и работенка для тебя найдется.

– Работенка? – непонимающе переспросил я.

– Для хорошего убийцы всегда найдется работа, – невозмутимо ответил Рыжий. И сказал это он таким буднич-

ным тоном, будто приглашал меня на работу менеджером в офис.

Я лишь кивнул и вышел из машины. А в следующую секунду, тачка сорвалась с места, выезжая со двора.

Глава 7. Бес

Домой я попал не сразу. Пришлось подождать какое-то время у подъезда, пока дверь не открылась, выпуская во двор двух девушек. Одна, смеясь, что-то увлечённо рассказывала второй. Не обратив на меня ровным счётом никакого внимания, они спустились по ступенькам, мелькнули в круге света от уличного фонаря и растворились в ночи двора. Я же юркнул в подъезд.

За время моего отсутствия, Чума так и не вернулся. Побродив по пустой квартире, я вернулся на кухню и уселся на стул, уставившись на пятно начавшей сворачиваться крови.

Если наёмник прав, то выбора у меня особо немного. Или принять правила вытянутого мной жребия и играть в эту злобучую игру, или попробовать сбежать из города. Хотя в последнем, смысла было мало. Человек бесследно исчез, а, как сообщила мне система, от внимания полиции я избавился. Значит, искать Владика не станут. А тогда и бежать незачем. Можно спокойно доделывать в городе дела, а что будет дальше – разберёмся. Война план покажет. А загадывать что-то наперёд у меня не было никакого желания. Щелкнула кнопка выключившегося электрочайника. Я машинально пододвинул к себе кружку, залил кипятка в стоявший на столе заварник.

Но говорил все это байкер с самым что ни на есть серьезным видом. И по всему выходило, что он прав. И от понимания этого, мне стало чутьточку не по себе.

"А гори оно все пламенем синим" – решил я для себя. – "Ебись конем. Ну подумаешь, преследует тебя какая-то хуета. Так и что с того? Это не смертельно, а что до уведомлений? Все мы чутьточку со сдвигом. В некоторых вон по несколько личностей существует, и ничего. Не так уж часто, к слову, эти уведомления всплывают, в конце-то концов. Поживем-увидим, что дальше делать с этой "Игрой в жизнь". Может быть, их отключить можно. И не париться".

Половину ночи я провел на кухне, старательно замечая следы недавнего убийства. Хотя убийством это я по-прежнему считать не желал.

"При жизни Владик был долбоебом", – старательно твердил я себе, вытирая растекшееся по полу, начавшее уже подсыхать, пятно крови. – "Полез в бычку не разбираясь, кто трахал его бабу, а кто просто мимо проходил. Вот и пострадал. Полы у Чумы больно скользкие. И вообще – за бабой своей надо было лучше следить. Глядишь, и не прыгала бы по кроватям всяких мудаков типа моего братана. Как вообще можно было с ним связаться"?

Так, накручивая себя, я старательно затер кровь на полу. Тяжело вздохнул, бросив тряпку в ведро с розовой от растворившейся в ней крови водой. Осмотрел результат своих

трудов, и остался весьма доволен. Кафель блестел, даже в швах между плитками не виднелось ни одного красного пятнышка.

Взял со стола телефон, посмотрел на часы. Половина четвертого утра.

“Пора спать”.

Я поднялся с пола, с трудом разогнув затекишую спину. Первый день в городе выдался весьма насыщенным, поэтому я чувствовал себя так, будто меня сбил несущийся на всей скорости КАМАЗ. До того я чувствовал себя разбитым. При движении словно каждая клетка моего тела отдавалась тупой болью. Едва передвигая ноги, я добрал до комнаты, рухнул в кровать и тут же провалился в черную яму небытия.

Проснулся я от шума и запаха кофе, доносившегося с кухни. Протирая глаза и отчаянно зевая, я встал с кровати и пошёл на запах, безошибочно определяя дорогу.

Виной моего пробуждения были двое: Чума и какой-то тип, до этого момента мне незнакомый. И чувак этот выглядел донельзя странно: смуглый, черноволосый, с заплетенными в маленькие косички-дреды волосами. Довершали всю феерию небольшие татуировки, набитые на лице. Лоб и скулы незнакомца покрывали какие-то надписи. Только вот что означали эти письмена, я так и не разобрал ввиду крайне хуевого качества поплывшего текста. Скорее всего, у ма-

стера, который был эти "шедевры", было сильное похмелье, а глаза застилала фантазия о целебном пиве, который сможет поднять его на ноги и унять тремор в руках. Поэтому текст расплывался в нечто неразборчивое. Незнакомец что-то увлечённо рассказывал Чуме. Но едва я вошёл, как незнакомец оборвал свой рассказ и недовольно уставился на меня маленькими злыми глазками. Впрочем, мне было абсолютно до пизды на этого типа. Я прошёл к столу и уселся напротив чумы.

– Привет, брат, – сердечно поприветствовал я старого друга.

– О, и тебе не хворать, – усмехнулся Чума, наливая в кружку свежесваренный кофе. – кстати, это мой давний знакомый, Кирилл. По прозвищу Бес.

Кирилл поморщился, но протянул мне узкую ладонь.

– Говорят, имена не выбирают, задумчиво пробормотал я, пристально рассматривая гостя и пожимая протянутую мне руку. – они появляются сами и со временем прилипают так, что ломом не отдерешь.

– Что? – не понял Кирилл.

– Говорю, имя тебе подходит, – уже чуть громче ответил я. – вот как вошёл – сразу понял, кто передо мной сидит. Как есть черт.

Кирилл открыл было рот, чтобы ответить мне, но Чума живо его перебил:

– Бес, – пояснил он. – Кирилл репер. Неплохой исполни-

тель. Бес, это, так сказать, его сценический псевдоним.

– Неплохой? – удивленно переспросил исполнитель. – да я лучший в этом. Я голос улиц. Все фанатки моют полы кипятком, едва только слышат мои треки.

Услышав эту фразу, я едва не расхохотался:

– Впервые вижу, что сценический псевдоним донельзя точно описывает человека. И раскрывает его богатый внутренний мир. Надеюсь, этим поклонницам уже исполнилось шестнадцать?

– Я разноплановый исполнитель, – гордо ответил гость Чумы. – Мои треки понимают все. В них описана тяжелая жизнь на улицах. Кроме того, я несу пользу обществу.

– Это ещё в чем? – не понял я. – Мотивируешь эмоционально нестабильных людей к суициду своей музыкой?

– Я сотворил немало говна в своей жизни, – начал было Бес, но я живо его перебил:

– Я не слышал твоего творчества. Поэтому оценить все то, что ты натворил, мне неизвестно.

Лицо Беса скривилось от злобы, а тонкие, как у пианиста пальцы сжали кружку. Заметив такую реакцию, я уставился на собеседника с самой милой улыбкой на лице. До того мне было интересно, как будут развиваться события. Но Бес лишь глубоко вздохнул и продолжил:

– Я основатель клуба “Город без наркотиков”. Это попытка улучшить карму за все мои предыдущие поступки. Улицы против наркотиков, бро.

А вот о банде я уже был наслышан, даром давно в городе не был. Суть движения была проста как валенок. Молодые парни сколотили группировку, именуемую почему-то общественным молодежным движением, и ходили по улицам, отлавливая всякую пьянь и торчков, избивая их и отправляя в ближайший отдел полиции. По слухам, вдобавок к общественно полезной деятельности, данные господа очень активно грабили цыган и других барыг, ловко выставляя торговцев наркотиками на товар и наличность. Процесс до определённого момента снимался на видео и выкладывался на видеохостинг, привлекая к проблеме алкоголизма и наркомании тысячи равнодушных. И принося неплохой доход в виде встроенной в популярные ролики рекламы. Люди в этом движении были все как на подбор: физически крепкие, с мягким, как наждак, характером. Как по мне, на общественно полезную работу этим ребятам было глубоко похуй. Им просто нравилось бить людей. А польза для общества в виде избавления оного от маргиналов и прочей деклассированной бляди, была, скорее, прикладной.

– Про движение слышал, – ответил я. – А вот песен не слышал.

– Естественно, – саркастично ответил Бес. – просто до колхоза, откуда ты родом, ещё не добрались тенденции нашего времени. Какой там сейчас год? Две тысячи пятый?

– Остроумно, – оценил я шутку. И Бес тут же горделиво приосанился:

- Это панч, бро. Резкий. Неожиданный. Не шути с музыкой улиц. Она может расправиться с тобой, пережевать и выплюнуть.

- Не понимаю о чем ты, но панч я тебе прописать могу, – спокойно ответил я. – только вот после моего Панча ты недосчитаешься нескольких зубов.

Всю уверенность исполнителя музыки улиц будто хуем сдуло. Он что-то пробормотал и принялся пить кофе.

– Раунд, – крикнул Чума. – Победа эмси слева. Пусть и под угрозой физической расправы, но...

– Я готов ещё побатлиться с оппонентом, только чуточку позже, – ответил Бес, вставая из-за стола. – сейчас мне нужно на студию. Новый трек сам себя не запишет. Можете поехать со мной. Увидите лучшего эмси за работой.

Чума пожал плечами:

– Почему бы и нет, – ответил он. – какие планы у тебя на сегодня брат?

– Хочу навестить одного старого знакомого, – буркнул я, понимая, к чему клонит Чума. – так что я, пожалуй, воздержусь. Чтобы не критиковать работу творческих людей. Не создавать им, так сказать, моральных травм.

– Тогда бывай, друг, – бросил мне Бес.

– Таких друзей – за хуй, да в музей, – невозмутимо парировал я. – Ради культурного просвещения и обогащения знаниями.

Лицо Кирилла аж скривилось:

– Очень остроумно....

– Потопали. Покажешь эту свою новую студию.

Переговариваясь и споря о чем-то, Чума и его товарищ-музыкант вышли из квартиры. Я же остался сидеть за столом, допивая чай. Бодрящий напиток уже выгнал из меня сонную оторопь и теперь мною овладело любопытство. Захотелось узнать чуть больше про эту непонятную игру. А так как знакомый, посвящённый в некоторые таинства "Игры в Жизнь" у меня был один...

– Кто-то, помнится, звал меня в гости, – задумчиво протянул я. А затем в один глоток допил успевший остыть чай, и встал из-за стола.

Глава 8. Обучение Игре

Клабхаус "Шедди" расположился в нижней части города. Поэтому добираться пришлось долго. Таксист что-то увлечённо рассказывал, да вот только я его не слушал. Просто уставился в окно, рассматривая город и погружившись в свои мысли. Как-то странно выглядела вся эта история с "Игрой в жизнь". Словно во сне. И от этого появлялось слишком многого вопросов. От простейшего "с какого хуя это все у меня появилось"? до "как это все работает"? и "что с этим всем делать"? И хоть на последний вопрос вчера ответил Рыжий, подобная херня меня категорически не устраивала. Как это понимать или играешь или попадёшь в дурку? Что за ебанина? А если я не хочу играть? А если мне мой класс не понравится? Что тогда делать?

– Приехали.

– А?

– Приехали, говорю, – с легким раздражением повторил таксист, в упор глядя на меня. Я вздрогнул, словно очнувшись от забытья, и посмотрел в окно. Машина такси стояла у больших деревянных ворот клабхауса, с нарисованным на них логотипом клуба. И табличкой, которая сообщала, что на территории клабхауса расположена еще и автомастерская. Как оказалось, погруженный в эти невесёлые размышления, я не заметил, как таксист пересёк город и при-

ехал к указанному вчера Рыжим адресу, где расквартировались байкеры. Пересечению Свободы и Баррикад.

Кивнув в знак благодарности, я нащупал ручку и открыл дверь. Вышел из машины и направился к воротам. Потянул за одну из створок. Она была не закрыта, и не став церемониться, я нырнул во двор, оказавшись возле ряда припаркованных мотоциклов одной и той же марки, с нанесённым на бензобаки логотипом клуба. Чуть поодаль, несколько членов клуба, в вытертых до дыр джинсах и косухах, как две капли воды похожих на жилет убиенного мною Владика, сидели за большим столом, о чем-то переговариваясь и попивая пиво. Один из них, бородатый мужик лет сорока, заметил меня:

– Ты ещё кто такой? – грубо окликнул он, зло уставившись на меня. – А ну, живо проваливай отсюда на хуй. Это частная территория.

– Написано, что здесь автомастерская, – невозмутимо парировал я.

Байкер аж охуел от такой наглости. Его глаза недобро сощурились, в них мелькнула знакомая мне злобинка. Он медленно встал из-за стола, не сводя с меня испепеляющего взгляда.

– Ты что, не понял? – медленно растягивая слова, переспросил он. – Я сказал живо убывай отсюда, пока кости целы.

– Я пришёл в гости по приглашению одного из членов клу-

ба, – спокойно ответил я. – мне нужно поговорить с Рыжым.

Пыл моего оппонента заметно поутих.

– Эй! Малой! – грубо крикнул он, обращаясь к одному из ребят с нашивкой "Prospect". который вяло ковырялся под капотом одной из машин в боксе мастерской. – Сходи позови Рыжего! Скажи, что какой-то гондон пришёл и хочет с ним повидаться.

Парень оторвался от своего занятия и почти бегом бросился в клабхаус, на ходу оттирая тряпкой масло с рук. Мне же совсем не понравился тот факт, что меня обозвали "гондоном". Поэтому я демонстративно обернулся по сторонам, словно высматривая кого-то, а потом повернулся к байкеру:

– Лично я вижу здесь одного гондона. Ты говорил о себе?

– Что? – переспросил байкер, подавшись в мою сторону.

– Что слышал, мудака ты ебучий, – спокойно ответил я. – Ты че, сука, драться со мной хочешь?

Мой оппонент шагнул вперёд. В глазах его читалось твёрдое намерение искалечить человека, дерзнувшего высказать ему правду в глаза.

И все бы это закончилось безобразной дракой, да только ей помешал Рыжый, вынырнувший из дверей клабхауса.

– Хорош быковать, Тиг! – крикнул он. – Это наш гость, Нико.

Парень, которого называли Тигом, враз как-то растерял

своей боевой кураж:

– Он сам виноват, Рыжий!

– Не пиздела б твоя розжа-передача б лучше шла, – парировал я. А душе растекалось сладкое чувство одержанной победы. И пусть без драки. Моральная победа тоже идет в зачет.

Рыжий подошёл ко мне, приветственно хлопнув по плечу:

– Как чувствовал, что ты приедешь именно сегодня.

– Нетрудно догадаться, хмыкнув, начал было я. – Ты единственный из моих знакомых, кто знает о...

– Ладно. Пойдем, поболтаем.

Пойдём, – односложно сказал президент в ответ на мой полный удивления взгляд.

– Куда? – непонимающе уставился на него я.

– Есть разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.